

Роль СССР в подготовке мирного договора с Болгарией после Второй мировой войны — мифы и факты*

Позиция Советского Союза в отношении мирного договора с Болгарией от 10 февраля 1947 г. является следствием его геополитических интересов на Балканах и военных действий, оставивших страну в советской сфере влияния¹. Для Москвы Болгария становится элементом ее безопасности, и действия Сталина — попытаться защитить болгарскую территориальную целостность и предотвратить чрезмерную перегрузку страны репарациями — логичны. Кремль, однако, не забывает, что Болгария потерпела поражение и должна заплатить за союз с Германией. Советская защита к тому же учитывает интересы союзников — США и Великобритании, а также Югославии, что вызывает необходимость идти на компромиссы, даже когда СССР убежден в правоте болгарских аргументов.

Осенью 1944 г. Москва косвенно поддерживает попытку правительства Отечественного фронта (ОФ) задержать болгарские войска на Беломорье**, что могло бы послужить для защиты там болгарских интересов. Однако после ультиматума У. Черчилля Сталин соглашается отозвать войска². Он вмешивается, заставляя И. Броз Тито допустить Болгарию сражаться с Германией на югославской территории, но весной 1945 г., соглашаясь со своими союзниками, не содействует в получении страной статуса «совоюющая»³. В Потсдаме Сталин убеждает США и Англию установить с Болгарией дипломатические отношения, чтобы облегчить подписание с ней мирного договора, но они отказывают. Демон-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Национального научного фонда Болгарии, проект ДНТС Русия/02/17: «Болгария, Россия, Балканы. Проблемы мира и войны XVIII–XXI вв. (мифы и действительность)».

** Белое море — так болгары называли Эгейское море.

стрируя, что уважает их интересы, Сталин идет в отношении мирных договоров на компромисс, соглашаясь на признание территориальных интересов Италии, а также на подписание договоров только с признанными демократическими правительствами Болгарии и Румынии⁴. На сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) в Лондоне осенью 1945 г., однако, становится ясно, что США не примут во внимание сделанные уступки, и министр иностранных дел СССР В.М. Молотов ставит следующее условие: СССР согласится с предложенной США мирной конференцией, если американцы признают румынское и болгарское правительства. На московской встрече в декабре 1945 г. найдена приемлемая формула для конференции: участие ограниченного круга государств и принятие решений рекомендательного характера⁵. Сталин соглашается заставить болгарское правительство включить в свой состав двух представителей оппозиционных партий, не участвующих в выборах, что позволит США признать его и заключить мирный договор. Начало холодной войны делает это решение невозможным, под давлением Сталина прерваны переговоры с оппозицией, а второй кабинет ОФ создан без её представителей⁶.

Реальная борьба СССР за подписание мирного договора с Болгарией начинается в апреле 1946 г., когда он позволяет болгарскому правительству официально поднять вопрос о Западной Фракии, считая его достаточным аргументом против греческих притязаний на болгарские территории⁷. На Парижской сессии СМИД Молотову удается провести решение о частичной, а не полной компенсации Греции со стороны Болгарии. Советская сторона соглашается ограничить действия болгарских вооруженных сил, но выступает против предложения, чтобы Болгария заплатила также косвенные репарации. Из-за категорического возражения США и Англии оценить в преамбуле мирного договора Болгарию как «совоющую» (они возражают даже против формулировки о болгарском вкладе в разгром Германии) СССР идет на компромисс. Он уступает в вопросе о статусе «совоющей», соглашаясь отказать в нем Болгарии, но по его ходатайству в преамбулу договора включается текст, что страна приняла *«активное участие в войне против Германии»*⁸.

Парижская конференция (29 июля–15 октября 1946 г.) стала ареной, на которой Советский Союз ведет борьбу, отстаивая болгарские интересы, поскольку не желает, чтобы страна, входящая в зону его безопасности, была ослаблена в территориальном, военном и экономическом отношении. Он организует и согласовывает защиту интересов Болгарии делегациями Украинской и Белорусской ССР⁹, Чехословакии, Польши и Югославии. Особенно была важна поддержка Югославии, как страны, пострадавшей от действий Болгарии в период 1941–1944 гг. и могущей претендовать на территории и репарации. Благоклонная позиция Югославии могла бы служить контрапунктом чрезмерных греческих запросов. Поддержка Югославии обеспечена при участии Сталина в начале июня 1946 г.¹⁰ и связана с планируемой южнославянской федерацией, но цена этого очень высока — Г. Димитров принимает указание Сталина предоставить культурную автономию Пиринскому краю. В беседе 5 июня 1946 г. с членами болгарской делегации в Москве Сталин разъясняет свою позицию на мирной конференции по болгарским вопросам. Относительно репараций, он считает, что на этом форуме следует упирать на то, что Болгария приняла активное участие *«в общей борьбе союзников»*, *«серьезно»* помогла в освобождении Югославии и Греции, и поэтому сумму репараций необходимо снизить, как это сделано для Италии. По его мнению, *«общая сумма едва ли превысит 45 миллионов долларов, две трети из которых следует выделить Югославии и одну треть — Греции. Когда это произойдет, Югославия заявит об отказе от всяческих репараций со стороны Болгарии, так как самостоятельно разрешит все свои вопросы. Таким образом, для Греции останутся только 15–20 миллионов долларов, которые к тому же будут выплачиваться в течение 6–7 лет»*¹¹. Сталин информирует болгарскую делегацию о позиции советской стороны на Парижской сессии СМВД, говоря о том, что она, как и американская, не участвовала в установлении болгарско-греческой границы после Первой мировой войны и *«не признаёт ее как справедливую»*. Указания болгарам звучат так: *«Требуйте территориальный выход на Белое море, если это не пройдет, тогда переходите к экономическим требованиям. Право требовать территориальный выход вы*

имеете, но сейчас трудно рассчитывать на получение такового. Подобные требования реализуются только силой. Во всяком случае, подготовитесь на будущее»¹².

Еще в начале Парижской конференции (7 августа 1946 г.) в комиссии по процедуре советский представитель А.Я. Вышинский делает предложение, которое оказывается особенно важным для побежденных стран. В дополнение к решению пригласить Италию, Болгарию, Румынию, Венгрию и Финляндию выступить на пленарных заседаниях конференции со своими соображениями по проектам мирных договоров с ними Вышинский предлагает заслушать по отдельным вопросам представителей этих стран также в комиссиях, причем в процессе их работы¹³. Это дает болгарской делегации возможность представить свои аргументы соответствующим комиссиям и таким образом попытаться повлиять на их решения.

Советская поддержка ярко проявляется на пленарном заседании конференции 14 августа 1946 г. В этот день болгарская делегация в лице министра иностранных дел Г. Кулишева представляет свою точку зрения на будущий мирный договор в подробностях. Украинский представитель Д.З. Мануильский в своем выступлении подчеркивает, что речь идет уже о новой Болгарии, которая внесла свой вклад в разгром Германии, и заявляет, что претензии Греции на 1/10 часть болгарской территории несправедливы. Вместе с тем он поддерживает болгарскую идею о Западной Фракии — по его мнению, она *«неразрывно связана с Болгарией хозяйственными, географическими и историческими связями»*, а лишение страны выхода в Эгейское море обрекло бы ее на *«стальную удушающую петлю и нанесло бы ущерб ее сельскому хозяйству и промышленности»¹⁴*. Он призывает принять во внимание Бухарестский договор 1913 г., согласно которому (вопреки проигранной Межсоюзнической войне) Болгарии были оставлены Западная Фракия и порт Дедеагач. На следующий день, 15 августа, между «великими» участниками идет острый спор по поводу болгарских претензий. Как отмечается, государственный секретарь США Джеймс Фр. Бирнс (1945–1947 гг.) и британский делегат сэр Александр Дж.М. Кадоган, постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании

(1938–1946 гг.), выступают против, а в ответ Молотов заявляет, что *«империалистические требования Греции в отношении Болгарии и Албании следует задуть еще в зародыше»*¹⁵.

Фактическое обсуждение проекта договора с Болгарией начинается в Политической и территориальной комиссии. На ее втором заседании (19 августа) греческий делегат П. Пипинелис требует исключить слова *«активное участие»* Болгарии в войне против Германии из преамбулы к договору. Их включение было достигнуто советской стороной во время Парижской сессии СМВД. Со своей стороны болгарская делегация выдвигает предложение внести в текст уточнение о том, что страна начала военные действия против немецких войск еще 9 сентября 1944 г. (а не после перемирия 28 октября 1944 г., как зафиксировано в преамбуле), и настаивает на том, чтобы Болгария была отмечена как *«совоюющая»*¹⁶. 26 августа советский представитель в комиссии Н.В. Новиков, проанализировав участие Болгарии в войне против Германии, настаивает на том, что в преамбуле оно правильно определено как *«активное»*. В поддержку болгарских предложений признать страну *«совоюющей»* и отметить ее вступление в войну против Германии еще до подписания перемирия выступают белорусская, украинская и югославская делегации. При голосовании этих двух предложений три делегации вместе с чехословацкой выступают *«за»*, в то время как девять из 13 стран в комиссии — против¹⁷. В числе девяти находится и советская делегация по причине поддержанного СССР решения Парижской сессии СМВД по вопросу о статусе *«совоюющей»*. Из-за отказа США и Великобритании сессия отказывается признать Болгарию *«совоюющей»*, и СССР не удается добиться большего, чем формулировка *«активное участие»* в войне. В связи с общим решением СМВД у советского представителя в Политической комиссии не было возможности проголосовать за болгарскую формулировку.

2 сентября В. Коларов представляет Политической комиссии болгарские аргументы по Западной Фракии, а 4 сентября П. Пипинелис в длинной речи пытается их опровергнуть. На том же заседании Новиков зачитывает декларацию, в которой оспаривает греческие утверждения о том, что Афины претендуют только

на «стратегические поправки границы», и поясняет — они касаются 1/10 части всей болгарской территории, а граница прошла бы «в 95 км от болгарской столицы София и всего навсего в 35 км от Пловдива», и цель Греции состоит в том, чтобы эти политические и хозяйственные центры стали «стратегически уязвимыми»¹⁸. Советская делегация выступает против греческих притязаний, поскольку они противоречат целям Мирной конференции по установлению долгосрочного мира на Балканах. Во второй части декларации Новиков подробно останавливается на болгарском предложении, чтобы граница с Грецией соответствовала Бухарестскому договору 1913 г. Он утверждает, что принятие этого предложения «устранило бы историческую несправедливость, допущенную в отношении болгарского народа» с потерей Болгарией в 1919 г. Западной Фракии. Новиков приводит исторические и этнические аргументы, умело подчеркивая позицию Великобритании в 1913 г., полагавшей уместным тогда оставить область в болгарских границах, в противовес поддержке, которую Лондон в данный момент оказывает Греции. Советский дипломат напоминает, что и США в 1919 г. выступали за то, чтобы оставить Болгарию Западную Фракию. Подтекст ясен: чтобы быть последовательными, США и Англия не должны отвергать болгарские претензии. Новиков подчеркивает, что СССР не участвовал в конференциях, определивших судьбу области, и не связан с их решениями, а хочет восстановления исторической справедливости. Декларация заканчивается признанием того, что «у Болгарии есть все основания для претензий на Западную Фракию»¹⁹.

Дебаты продолжаются 9 сентября с уже упомянутой защитой греческих претензий делегатами Южной Африки и Англии. На них реагируют представитель белорусской делегации А.Г. Бондарь и чехословацкой — Носек, которые характеризуют болгарские аргументы по Западной Фракии как «*вполне оправданные и понятные*»²⁰. В том же духе 11 сентября выступает и украинский делегат А.К. Касименко²¹. На этом же заседании, однако, американская и французская стороны высказываются против болгарского запроса. Когда 16 сентября комитет голосует по предложению Пипинелиса запросить мнение Военной комис-

сии о необходимости «стратегической границы», Новиков заявляет: «*Советское правительство не может согласиться на отделение территорий от Болгарии, потому что [это] не принесет пользы миру на Балканах и в мире и даже может угрожать ему. Советское правительство всегда будет противостоять подобным требованиям правительства Греции, которые мы считаем совершенно необоснованными... Предложение Греции о внесении исправлений неприемлемо и несправедливо и не может быть принято ни этой комиссией, ни конференцией*»²². Предложение Новикова: принять ст. 1 проекта договора в том виде, как он сформулирован СМВД (в границах на 1 января 1941 г.). Это означает, что СССР отвергает претензии Греции, но и отказывается от дальнейшей поддержки предложения Болгарии о Западной Фракии. Из-за обозначившихся позиций Соединенных Штатов и Франции пять славянских делегаций не могут получить перевес в комитете из 13 человек. Поэтому СССР продолжает преследовать свою главную цель — не допустить потерю Болгарией своей территории.

В Военной комиссии советский представитель генерал-лейтенант Н.В. Славин иронизирует по поводу претензий Греции на «*стратегическую границу*» следующим образом: «*Разумеется, безопасность Греции будет повышена, если вся Болгария будет включена в границы Греции*»²³. В дебатах, возобновленных 1 октября в Политической комиссии, Новиков повторяет, что «*изменение границы невозможно*», но больше не поднимает вопрос о Западной Фракии²⁴. Советская делегация оказывается в числе 10 проголосовавших в Политической комиссии за формулировку СМВД о границах Болгарии на 1 января 1941 г.

Советская поддержка Болгарии в Политической комиссии является фактом и в связи с британским предложением сформулировать ст. 2 мирного договора таким образом, что права евреев в стране якобы недостаточно гарантированы. Новиков в ответ заявил, что в проекте договора содержатся положения, отменяющие все дискриминационные законы и дающие евреям права, которыми обладают все другие граждане. Он критикует самих британцев, напоминая, что еврейское население в Палестине, находящейся под английским контролем, подвергается «*убий-*

ствам, преследованиям и арестам», и цель предложения — «использовать Болгарию в качестве некоего громоотвода, чтобы показать евреям, как они заботятся об их безопасности, прикрывая законное недовольство евреев ситуацией в Палестине»²⁵. Белорусский делегат Бондарь напоминает, что в Болгарии никогда не было антисемитских настроений, и Всемирный еврейский конгресс в августе 1946 г. выразил болгарам свою письменную благодарность за спасение болгарских евреев во время войны. Однако окончательного отклонения британской поправки СССР добьется только на нью-йоркской сессии СМВД.

В Военной комиссии советским делегатам удается отклонить просьбу Греции о дальнейшем сокращении болгарских войск и военной техники²⁶, сравнивая ее со скромными греческими требованиями в этом отношении к Италии. Серьезный спор вызывают греческие требования к Болгарии: снести все укрепления в 20 км от границы с Грецией и запретить строительство укреплений в этом районе.

Белорусский делегат заявляет, что цель этого: «унизить и разоружить болгарский народ, чтобы ему всегда угрожала агрессия греческих монархистов», а советский делегат Славин произносит резкую речь. Он напоминает о принципиальном решении сессии СМВД, согласно которому малые страны могут принимать меры для своей защиты, и что для четырех бывших сателлитов в проектах договоров (ст. 9) предусматриваются равные условия. Он выражает недоумение, почему Соединенные Штаты, Англия и Франция, поддерживая греческие требования, отходят от принципа равного отношения ко всем малым побежденным странам, принятого ими в СМВД. Его слова звучат основательно: «Греческая делегация постоянно напоминает нам, что в течение 30 лет болгары трижды напали на Грецию. Но я спрашиваю представителя Греции: кто оккупировал иностранные территории в течение 30 лет и у кого? Покажите признаки болгарской экспансии, свидетельствующие о захвате чужой земли? ... Советская делегация не может согласиться с тем, что Болгария в результате своих демократических преобразований будет подвергаться новым ограничениям. Болгария имеет право заботиться о своей защите и защищать себя»²⁷. Совет-

ский адмирал В.П. Карпунин также выступает против другого требования Греции — запретить Болгарии владеть торпедными катерами. В принципе, это требование лишено смысла, поскольку греческий флот находится в Эгейском море, куда болгарские катера не имеют доступа. Тем не менее, это предложение поддерживают США и Англия. Советский делегат указывает на еще один двойной стандарт в позиции Греции, которая не возражает против того, чтобы Италия имела определенное количество военных кораблей, но требует дополнительных ограничений для Болгарии, *«хотя весь болгарский тоннажный флот меньше, чем небольшой итальянский крейсер»*²⁸. Учитывая, что в Военной комиссии представлены делегации 21 участвующей в войне страны, шансы СССР предотвратить принятие предложений Греции минимальны.

Схожая ситуация складывается и в Экономической комиссии, состоящей из 14 членов, которая с 30 сентября 1946 г. начала рассмотрение экономических положений мирного договора с Болгарией. Франция, Англия и США в дискуссиях по ст. 24 о правах Болгарии на болгарские активы, находящиеся у союзников, настаивают на том, чтобы эти активы использовались для компенсации их претензий к соответствующей стране, а советский делегат В.С. Геращенко предлагает ограничить ответственность Болгарии только Грецией и Югославией. Он напоминает, что Болгария участвовала в войне против Германии и должна свободно использовать свои активы за границей²⁹. При голосовании предложение получает поддержку только у делегаций, которые в принципе голосуют одинаково с Советским Союзом, но их всего пять. Негативные последствия для Болгарии несет и отклонение советского предложения по ст. 25, предусматривающего возвращение Болгарии болгарского имущества в Германии. Вместо него принимается предложение США, Франции и Англии, чтобы страна отказалась от каких-либо претензий к Германии³⁰. Не проходит также предложение главы советской делегации Ф.Т. Гусева о создании подкомиссии, которая изучит экономическое положение Болгарии и сообщит СМВД³¹. Во время решающего многочасового совещания по репарациям 4–5 октября Гусев атакует позиции греческой, британской и аме-

риканской сторон: «Здесь нам предлагают три разных цифры в качестве суммы, которую Болгария должна заплатить. Но эти цифры очень разные — 200, 125, 25 миллионов долларов. Тем не менее, предлагающие ничего не говорят нам, основываясь на каких расчетах они эти цифры определили. Почему, например, Болгария должна платить 125 миллионов долларов, а не 124 миллиона долларов. Мы не можем принять в качестве предложения такие цифры. Они должны быть обоснованы... Вот почему я предлагаю, чтобы те, кто вносит предложения о размерах болгарских репараций, обосновали их, объяснив свои мотивы. Затем мы обсудим каждую отдельную мотивацию и только тогда сможем перейти к голосованию»³². За это предложение проголосовали только пять делегаций (славянских), и оно было отклонено. Затем СССР проголосовал за предложение Югославии о 25 млн долларов, но и его поддержало только пять голосов. Те же пять делегаций голосуют против предложения Великобритании о 125 млн долларов США, которое принято девятью голосами. После голосования Гусев напоминает, что окончательное решение примет СМВД, и настаивает на том, чтобы в протоколе заседания было отмечено, что, по мнению советской делегации, решение о репарациях в Болгарии «принято немотивированно, необоснованно и поспешно»³³. Примечательно, что, возражая против предложенных сумм, советская делегация не воспользовалась подробным и аргументированным заявлением болгарской делегации, сделанным 4 октября в Экономической комиссии, и не прокомментировала обоснованность болгарских встречных требований. В этом случае советский подход отличается от прямой поддержки претензий Болгарии на Западную Фракию. Вероятно, причина кроется как в слишком короткой и интенсивной дискуссии, которая продолжалась с утра 4 октября до 14.40 следующего дня (срок, когда Комиссия должна была завершить свою работу), так и в стремлении СССР не указывать такие же произвольные суммы, наподобие тех, которые сама критикует, и поддержать югославскую делегацию в выполнении ее обязательств лета 1946 г. — бороться за минимальный размер репараций³⁴. Очевидно также советское стремление решить вопрос о сумме в СМВД, где больше шансов на компромисс.

11 октября 1946 г. на пленарном заседании обсуждаются рекомендации комиссий по мирному договору с Болгарией. В числе восьми выступающих делегатов и А.Я. Вышинский. Он подчеркивает, что на выработку условий договора сильно влияет *«предвзятое и недружественное отношение некоторых делегаций к этой маленькой славянской стране»*³⁵. В качестве доказательства Вышинский указывает, что из пяти бывших немецких сателлитов *«в испытательной позиции»* оказывается только Болгария, поскольку США и Англия не установили с ней дипломатические отношения, и обвиняет их в том, что они относятся к болгарскому правительству *«как к неравноправному и чуть ли не подконтрольному»*, ставя судьбу страны в зависимость от их политических симпатий и антипатий. Напоминая об участии Болгарии в войне против Германии, советский делегат подчеркивает, что несправедливо отказывать ей в статусе *«совоюющая»*, и защищает *«славянский болгарский народ»*, ставший жертвой прогерманской политики своих *«преступных правителей»*. Вышинский отмечает, что болгарский народ сумел порвать с Германией *«своими собственными силами и средствами»*, и подробно рассказывает, как *«по собственной инициативе»* организовал *«Народный суд»*, сурово осудивший *«главных военных преступников Болгарии»*. Это, а также отказ от монархии в пользу республики должно быть принято во внимание при обсуждении мирного договора, чтобы страна достигла *«справедливого и демократического мира»*³⁶.

Вышинский обвиняет греческую делегацию и тех, кто ее поддерживает, в попытке помешать Болгарии получить такой мир. В качестве доказательства он приводит наиболее важные решения комиссий, которые наносят ущерб Болгарии. Сначала он комментирует греческую поправку о демилитаризации болгарско-греческой границы, принятую Военной комиссией, хотя и без 2/3 голосов, необходимых, чтобы она стала рекомендацией. Он справедливо заявляет, что такое дополнительное ограничение выходит за рамки решения СМВД и не было наложено ни на одну из бывших балканских враждебных стран или на Финляндию. Напоминая, что в Болгарии вообще нет пограничных пунктов (что официально подтверждено представителем Греции в Военной комиссии) и ее границы не защищены, Вышинский за-

являет, что требование демилитаризации *«неоправданно и должно быть отклонено как лишённое оснований»*³⁷.

В связи с требованием Греции об исправлении границы, Вышинский заявил, что греческое правительство *«жадно протягивает руки к чужой земле»*. Цель советского дипломата — не допустить голосования по этому вопросу на пленуме конференции. Поэтому он характеризует его как несправедливое, напоминая о его *«позорном провале»* в Политической комиссии, и лишь мимоходом (используя цитату из книги У. Черчилля) он упоминает о *«несправедливом увечье»* Болгарии после Первой мировой войны и о болгарских требованиях, которые и в 1946 г. *«не перестают быть благоразумными и благородными, как бы ни злопыхала греческая делегация и все ее покровители и укрыватели»*³⁸. Ради Западной Фракии советская сторона не имеет возможности больше ставить этот вопрос.

Вышинский использует требование Греции о запрете Болгарии иметь торпедные катера, чтобы подчеркнуть политические мотивы поведения США при обсуждении мирного договора. Сам запрет советский дипломат прокомментировал с иронией, сравнив болгарский флот с итальянским³⁹. Постановку этого вопроса и его поддержку американцами Вышинский связывает со стремлением США оказать давление на болгарское правительство. В качестве доказательства он ссылается на заявление представителя США в Политической комиссии о том, что *«у делегации США есть серьезные сомнения в развитии демократии в Болгарии, как мы ее понимаем»*. Критика Вышинского заключается в том, что именно недовольство болгарской политической жизнью заставляет США не уделять достаточного внимания конкретным вопросам, которые должна решать Мирная конференция, а использовать ее для оказания политического давления на Болгарию.

Последний вопрос, на котором останавливается Вышинский, это репарации. Он подтверждает советскую позицию о том, что его решение должно быть направлено в СМВД, который серьезно его изучит, чтобы не голосовать за цифры, *«необоснованные ни фактически, ни морально, ни политически»*⁴⁰. Здесь Вышинский ссылается на болгарские аргументы о тяжелом положении

экономики страны и бедность болгар (он подчеркивает, что доход на душу населения не превышает 50 долларов и является самым низким в Европе). Таким образом, он аргументирует предложение Советского Союза о том, что размер репараций должен определяться в соответствии с фактическими потерями, понесенными болгарскими вооруженными силами, и с учетом экономического положения Болгарии. Это не было сделано на конференции и «должно быть исправлено».

В заключение Вышинский делает вывод, на который оказали влияние вышеупомянутые попытки США использовать уязвимость Болгарии на конференции, чтобы навязать правительству изменения накануне выборов в Великое Народное Собрание. Советский дипломат подчеркивает, что предложения Греции являются ничем иным, как попытками оказать политическое давление на кабинет ОФ для достижения целей, которые *«не имеют ничего общего с целями Мирной конференции и наносят ущерб национальным интересам Болгарии»*⁴¹.

Во время пленарного голосования по отдельным положениям проекта мирного договора с Болгарией советская позиция, поддержанная Чехословакией, Польшей, Югославией, Белорусской и Украинской ССР, не могла перевесить. Шесть стран из 21-й безуспешно голосовали против текстов, гарантирующих права евреев в Болгарии, запрета строить укрепления вдоль границы с Грецией, владения торпедными катерами и выплаты репараций в размере 125 млн долларов. При голосовании по последнему тексту принимается британское предложение, но оно не получает большинства в 2/3 голосов и не имеет рекомендательной силы для СМВД. Таким образом, реализуется советское предложение, чтобы Совет принял решение о репарациях самостоятельно. Шесть стран голосуют за рекомендации по ст. 1 — признать границы, существующие на 1 января 1941 г., но из-за позиции Англии конференция не оформляет их в качестве предложения СМВД⁴².

14 октября 1946 г., в предпоследний день конференции, В.М. Молотов критически анализирует ее работу и ссылается на факт, что статьи договоров с побежденными странами, не согласованные СМВД до начала конференции, не нашли решения на этом форуме, поскольку *«господствующая группировка*

на конференции, начиная с США и Англии, не стремилась к этому», а использовала механическое большинство, чтобы диктовать свое мнение⁴³. Бесспорен отмеченный им отказ этих двух стран от некоторых уже согласованных в СМВД позиций. Особое внимание он обращает на различное голосование Англии по вопросу о болгаро-греческой границе, в том числе и в Политической комиссии, а затем на пленарном заседании конференции, что не позволяет принять решение. Комментируя вопрос о том, какие страны выступают в поддержку британской стороны в этом вопросе и как их национальные интересы связаны с Болгарией, Молотов задает риторический вопрос: *«Не является ли эта комбинация делегаций своеобразной игрой на голосах, которую, однако, ни один честный демократ и вообще ни один объективный человек не может не рассматривать иначе, как грубую политическую ошибку, приносящую ущерб делу устойчивого мира и выгодную сеятелям беспокойства и новой агрессии?»*⁴⁴. Он считает, что это голосование бросает тень на всю практику голосования на конференции, и выражает уверенность, что СМВД вновь одобрит свое прежнее решение о границе, установленной на 1 января 1941 г., показывая очевидность *«просчета, сделанного в этой политической игре»*. Затем Молотов обращается к болгарам со словами: *«Болгары, будьте спокойны, ваша граница останется непоколебимой»*⁴⁵.

В дни конференции советские представители оказывают болгарскому правительству и другую поддержку. Они узнают от К. Георгиева, Г. Кулишева и В. Коларова о давлении американцев относительно изменений кабинета накануне парламентских выборов. Молотов советует болгарской стороне не подчиняться и заверяет, что американцы вряд ли откажутся подписать мирный договор с Болгарией, поскольку от этого также зависит подписание советской стороной мирного договора с Италией.

Уверения в том же духе Г. Димитров получает и от Сталина. Димитров едет в Москву, чтобы узнать советскую позицию по мирному договору, в том числе его сепаратного подписания с СССР, в случае отказа западных государств. Сталин и Молотов не выглядят обеспокоенными, считая, что *«вряд ли дело дойдет до этого, поскольку в конце концов [США] обязаны подписать*

мирный договор», да и заинтересованы в этом, потому что подписание мира с Италией зависит от СССР⁴⁶.

На сессии СМВД в Нью-Йорке болгарский договор обсуждается 11 ноября 1946 г., причем рассматриваются только те рекомендации Парижской конференции, по которым не достигнуто согласие. Молотов вновь предлагает отклонить рекомендации по демилитаризации болгарской границы и запрету на торпедные катера и выступает против Великобритании и Соединенных Штатов по вопросу о репарациях, считая *«странным»* их требование, чтобы Болгария платила Югославии больше репараций, чем просит сама Югославия. Он напоминает, что на Болгарию наложены репарации сверх её возможностей и что эта страна помогла ускорить окончание войны, воюя с Германией. Поэтому Молотов предлагает установить следующий размер болгарских репараций — 30 млн долларов в общей сложности для Югославии и Греции вместо 125 млн (предложение министра иностранных дел Великобритании Э. Бевина) и 78 млн (предложение госсекретаря США Дж. Барнса)⁴⁷. По этим вопросам позиции трех стран остаются непримиримыми. В конце заседания Бевин выражает пожелание изменить болгаро-греческую границу в пользу Греции. Молотов категорически возражает: *«Если мы поставим вопрос об изменении болгарской границы, мы, несомненно, вызовем претензии Болгарии к Греции, которые гораздо более обоснованы, чем другие подобные претензии Греции к Болгарии»*⁴⁸. На последующих заседаниях Бевин снова пытается защитить претензии Греции, но Молотов непреклонен, и граница остается неизменной. По его настоянию репарации сокращены до 70 млн долларов, а Англия отзывает свое предложение о ст. 2 и дополнительных гарантиях по правам евреев⁴⁹. Однако советская сторона вынуждена уступить в вопросах о болгарских укреплениях вдоль границы с Грецией и торпедных катерах. С учетом болгарских интересов Молотов добивается значительных уступок, поскольку сохранение территориальной целостности и сокращение репараций имеют гораздо большее значение. На этой сессии СССР не выдвигает болгарских требований относительно Западной Фракии и статуса «совоюющей». Советский представитель не только осознаёт, что западные союзники не поддержат побежденную Болгарию

против победившей Греции, но и надеется, что подписание договоров укрепит правительства стран советской сферы влияния и позволит ускорить их взаимодействие с СССР, лишит западные страны механизмов вмешательства в их внутренние дела.

Беспристрастное прочтение документов, отражающих дебаты по мирному договору с Болгарией, приводит к окончательному выводу о том, что, в отличие от ситуации после Первой мировой войны, на этот раз интересы Болгарии защищены в большей степени, благодаря усилиям СССР и поддержавших его стран — Польши, Чехословакии и Югославии. Советская помощь — реальный факт, а не миф, как пропагандистски представляется сегодня. В Париже в 1946 г. советская дипломатия сумела добиться сохранения болгарской территориальной целостности и значительного сокращения репараций. И эти решения имеют больший вес, чем неудачи при обсуждении некоторых военных и политических вопросов. Открыто заявленная советская защита болгарской идеи о более справедливом мирном договоре контрастирует с желанием Великобритании отрезать часть болгарских территорий и обременить болгарскую экономику тяжелыми выплатами в пользу Греции. Позиция СССР также отличается от позиции США, хотя и более умеренной, чем позиция Великобритании.

Объяснение различий в отношении победивших держав к Болгарии связано с включением нашей страны в советскую сферу влияния, а также с памятью о ее действиях в годы войны. Мирный договор, подписанный в феврале 1947 г., ставит точку в отношениях Болгарии с победителями из антигитлеровской коалиции⁵⁰. Несмотря на то, что он отражает ультимативный тон, подписание этого документа является важным шагом к преодолению изоляции Болгарии, которая теряет Беломорье и Вардарскую Македонию, но сохраняет Южную Добруджу и становится единственной побежденной страной, увеличившей свою территорию. Возмещение ущерба не становится для Болгарии чрезмерным бременем: Югославия отказывается от своей части репараций (25 млн долларов)⁵¹, а греческая доля в 45 млн в 1964 г. будет уменьшена до приемлемых 7 млн⁵². Таким образом, независимо от того, что интересы Болгарии остаются подчиненными политическим устремлениям «больших» государств, страна получает относительно благоприятный мир.

Примечания

- 1 Калинова Е. Победители и България 1939–1945. София, 2004. С. 93–110.
- 2 Баева И., Калинова Е. Следвоенното десетилетие на българската външна политика 1944–1955. София, 2003. С. 68–73.
- 3 Там же. С. 55–60.
- 4 Берлинската конференция 17 юли — 2 август 1945 г. Сб. документи. София, 1987. С. 335–336, 506–507.
- 5 Баева И., Калинова Е. Следвоенното десетилетие... С. 96–98.
- 6 Калинова Е. Мястото и ролята на Отечествения фронт в годините на «народната демокрация» (1944–1947) // История на Отечествения фронт/съюз в България. Том I. София, 2012. С. 160–163.
- 7 Васильева Н. СССР и проблема подписания мирного договора с Болгарией после Второй мировой войны (1945–1947 гг.) // Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947). (Статии и документи). София, 1999. С. 141.
- 8 Жигня К. Подготовка и заключение мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией после Второй мировой войны. Кишинев, 1981. С. 102.
- 9 Вопрос участия Белорусской и Украинской ССР как стран-учредителей в Международной конференции о создании ООН (Сан-Франциско, апрель–июнь 1945 г.) решен во время встречи «тройки» в Ялте // Крымската конференция на ръководителите на трите съюзни държави — СССР, САЩ и Великобритания, 4–11 февруари 1945. Сб. документи. София, 1985. С. 135–138, 147–150.
- 10 Из личния архив на Кимон Георгиев. Т. III. София, 2009. Док. № 399. С. 642–643.
- 11 България в секретния архив на Сталин. Документи. София, 2005. Док. № 37. С. 140.
- 12 Там же. С. 141.
- 13 Васев С., Христов К. България на мирната конференция в Париж 1946 г. София, 2017. С. 62–63. (Автори книги — българските журналисти С. Васев из газети «Работническо дело» и Кр. Христов из газети «Отечествен фронт», аккредитованни на конференции и представивши в книга документи парижских заседаний и свои впечатления).
- 14 Там же. С. 92–94.
- 15 Там же. С. 97–98.
- 16 Там же. С. 107, 109–111.
- 17 Там же. С. 114, 118.
- 18 Там же. С. 152.
- 19 Там же. С. 154–159.
- 20 Там же. С. 168–169, 170–171.
- 21 Там же. С. 174–175.
- 22 Там же. С. 187–188. Восемь голосов «за» и пять «против» (СССР, Югославия, Украина, Белоруссия, Чехословакия); вопрос передан в Военную комиссию.
- 23 Там же. С. 218. СССР вместе с большинством в Военной комиссии поддерживает американское предложение ответить Политической комиссии, что Военная комиссия не в состоянии вынести решение по греческому запросу, из чего следует, что вопрос о границе не является стратегическим и военным, а политическим.

- 24 Там же. С. 230–232.
- 25 Там же. С. 199–200.
- 26 Там же. С. 207.
- 27 Там же. С. 209–211.
- 28 Там же. С. 213–214.
- 29 Там же. С. 243–244.
- 30 Там же. С. 244.
- 31 Там же. С. 247.
- 32 Там же. С. 250.
- 33 Там же. С. 251–252.
- 34 Там же. С. 247–248.
- 35 Там же. С. 283.
- 36 Там же. С. 287–289.
- 37 Там же. С. 289–290.
- 38 Там же. С. 291–292.
- 39 Вышинский объясняет, что весь болгарский флот составляет 3 тыс. 700 тонн, в то время как греческий — 65 тыс. тонн, а Италии разрешен флот с 150-тысячным тоннажем. И он комментирует: *«Какой же это страшный военный флот, приводящий в трепет г. Цалдариса и всю греческую делегацию...»* // Там же. С. 293.
- 40 Там же. С. 295–296, 298.
- 41 Там же. С. 297.
- 42 Там же. С. 309–312.
- 43 Там же. С. 312–315.
- 44 Там же. С. 317. Имеются в виду Эфиопия, Бельгия, Бразилия, Индия, Голландия, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Южноафриканский союз, Китай, Греция. Они вместе с Великобританией составляют те 12 стран, которые на пленуме конференции «воздержались» при голосовании за решение о признании границы Болгарии по состоянию на 1 января 1941 г.
- 45 Там же. С. 318.
- 46 В разговоре Сталин откровенно комментирует вопрос о Западной Фракии: *«Требование Болгарии по Фракии создаст позиции для будущего. Нужна еще одна война, чтобы подобные вопросы получили окончательное решение...»* // Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 533–534.
- 47 Васев С., Христов К. България на мирната конференция... С. 332–333.
- 48 Там же. С. 334.
- 49 Там же. С. 335.
- 50 Калинова Е., Баева И. Победителите и българският въпрос на Парижката мирна конференция 1946 г. // Васев С., Христов К. България на мирната конференция... С. 7–42; Баева И., Калинова Е. Следвоенното десетилетие на българската външна политика (1944–1955). София, 2003. С. 84–118.
- 51 Даскалов Г. Българо-югославски политически отношения 1944–1945. София, 1989. С. 223–224.
- 52 Калинова Е. Изтъняващата «желязна завеса» — България и Гърция — 60-те — 80-те години на ХХ век // България и Европа през съвременната епоха. Сб. в чест на проф. Д. Сирков. София, 2010. С. 194–215.